

# Скорбный и героический компоненты памяти о войне и Блокаде в деятельности Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме в 2010–2021 годах

Даниил  
Коцюбинский

*Посвящаю этот текст моей маме – Софье Александровне Коцюбинской (1931–2021), научившей меня помнить о Блокаде.*

Дилемма скорбного/героического (или, согласно классификации Алейды Ассман, *виктимизированного и сакрифицированного*<sup>1</sup>) форматов памяти о Блокаде с особой силой проявилась в 2018–2019 годах, в ходе подготовки и проведения парада на Дворцовой площади в честь 75-летия окончания Блокады Ленинграда<sup>2</sup>. Конечно, осмысление темы продолжилось и после этих событий – тем более, что в оборот вводились все новые факты. Особое



- 1 Ассман А. *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 79–93.
- 2 Коцюбинский Д.А. *Общественная дискуссия по вопросу о проведении военного парада на Дворцовой площади к 75-летию снятия Блокады Ленинграда в контексте сакрифицированной и виктимизированной версий блокадной памяти* // *Публичная политика*. 2021. Т. 5. № 1. С. 144–174; Он же. *Как помнить*

ПОЛИТИКА  
КУЛЬТУРЫ



ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ  
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ  
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ  
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

Даниил Александрович  
Коцюбинский (р. 1965) –  
историк, старший препо-  
даватель Санкт-Петер-  
бургского государствен-  
ного университета.

внимание исследователей по-прежнему привлекала тематика блокадной повседневности, раскрываемая посредством этого-документов, высвечивающих глубоко трагическую сущность блокадной реальности<sup>3</sup>. Таким образом, вопрос о правомерности органического сочетания *скорбного* блокадно-мемориального нарратива с *героическим* – традиционным для официозных коммеморативных практик<sup>4</sup> – сохранял свою актуальность.

В этой связи представляется ценным опыт репрезентации блокадно-мемориальной тематики, накопленный Музеем Анны Ахматовой в Фонтанном доме (далее – Музей) в ходе его выставочной и просветительской деятельности на протяжении 2010–2021 годов, то есть в то время, когда общественная блокадно-мемориальная дискуссия достигла особенной остроты.

В этот период, помимо выставок, лишь косвенно – на уровне отдельных экспонатов – затрагивающих тему Блокады (картины, созданные художниками в период Блокады, отрывки блокадных воспоминаний героев выставок и так далее), Музей был организован ряд экспозиций, непосредственно касающихся памяти о войне и Блокаде:

1. «Это письмо со слезами пишу» (май 2010 года) – выставка к 65-летию Победы. Основа экспозиции – письма с Ленинградского фронта солдата Ефима Хозумова (манси по национальности) на мансиjsком языке, не подвергнутые военно-цензурному контролю.

2. «Блокада. До и после» (январь–февраль 2014 года) – выставка к 70-летию снятия Блокады Ленинграда. Работы двух художников – Василия Калужнина и Константина Кордобовского, – не прекращавших работать в блокадном городе. Отдельный цикл – работы современного художника Григория Кацнельсона, посвященные блокадным стихам Геннадия Гора.

3. «Такая разная война» (май 2015 года) – выставка к 70-летию Победы. Материалы из собрания Музея и частных, семейных архивов.

4. «Блокада. Новое зрение» (сентябрь–октябрь 2021 года) – выставка к 80-летию начала Блокады Ленинграда. Основа выставки – работы художников Ярослава Николаева и Бориса Смирнова, трудившихся в блокадном городе.

Кроме того, ежегодно проводилась акция «Блокадный квартал»: чтение в годовщину начала Блокады (8 сентября) имен

о Блокаде? Парад на Дворцовой площади 27 января 2019 года и столкновение двух версий блокадной памяти. Фонд «Либеральная миссия». 25 января 2021 года (<https://liberal.ru/povestka/kak-pomnit-o-blokade>).

3 Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 8 / Сост. С.Е. Глазеров. СПб.: Издательский центр «Остров», 2019; «Я знаю, что так писать нельзя»: феномен блокадного дневника / Сост. А.Ю. Павловская, науч. ред. Н.А. Ломагин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022.

4 Коцюбинский Д.А. Общественная дискуссия по вопросу о проведении военного парада на Дворцовой площади... С. 168.

погибших в блокадный период жителей того квартала, в котором располагается Музей (близлежащие дома по Литейному проспекту, улице Белинского и набережной реки Фонтанки).

Изучая соотношение *виктимизированной* и *сакрифицированной* составляющих блокадной памяти, важно не только проанализировать содержание упомянутых выше выставочных проектов, но и учесть те развернутые комментарии, которые любезно предоставили автору сотрудники Музея, непосредственно причастные к реализации его блокадно-мемориальных мероприятий: основатель и директор Музея (1989–2020), президент Санкт-Петербургского Общественного благотворительного фонда друзей Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме Нина Ивановна Попова; директор (с 2020 года) Музея Анна Александровна Соколова; заведующая отделом выставок и проектов Музея Жанна Львовна Телевицкая; сотрудник пиар-службы Музея и один из организаторов акции «Блокадный квартал» Галина Николаевна Артеменко.

Рассказывая об этих проектах, сотрудники Музея вполне определенно указывали на скорбно-трагический смысл всех упомянутых выше памятных блокадных мероприятий. Как подробно пояснила Нина Попова, ее стремление наполнить пространство Музея не только традиционным для него историко-литературным содержанием, но и памятью о Блокаде было обусловлено двумя мотивирующими импульсами.

Первый такой импульс – судьбы и тексты Анны Ахматовой, авторов ее круга и прочих представителей городской интеллигенции, переживших Блокаду и оставивших свои воспоминания о ней:

«В начале 1990-х именно судьба и публицистика Николая Пунина подтолкнули меня к тому, чтобы начать заниматься блокадной тематикой. Пунин ведь очень подробно записывает 1942 год, ту зиму. И у меня возникло ощущение, что это требует памяти и возвращения к этому, потому что это не избытое. Это было здесь, в Фонтанном доме, и это осталось. Может быть, я пафосно говорю, но исходное стремление увековечить блокадную память о Пуниных было для меня очень естественным. Это место, квартира на третьем этаже, требует возвращения, осознания спустя десятилетия: с большей степенью понимания, сострадания. И я занимаюсь этой темой до сих пор. Вот только сейчас расшифровывала записи Ирины Николаевны Пуниной и Анны Генриховны Каминской об их возвращении в 1944 году из Самарканда, как это было, что было в квартире, ни одного целого стекла, как нужно было просить»<sup>5</sup>.

Второй импульс – личный и семейный военный опыт самой Нины Поповой (она родилась в марте 1941 года):

<sup>5</sup> Беседа с Ниной Поповой, февраль 2022 года. Полевые материалы автора (ПМА).

ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ  
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ  
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ  
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...



«Отец был военный, он был на фронте, служил на Балтийском флоте. Дома остались мама, бабушка, я и старший брат. Брат потом мне рассказывал, что мы жили на территории Военно-медицинской академии, на очень высоком третьем этаже; как надо было срочно меня завернуть и бежать по этой высокой лестнице вместе со всеми в бомбоубежище. Но больше всего в память брата, которому было восемь лет, врезалось то, как он идет по Лесному проспекту, а рядом идет телега с запряженной лошадью, и идут люди, и вдруг телега останавливается, лошадь падает, и все люди перестают идти, бросаются к лошади, откуда-то добывают лопатки и ножи и начинают эту лошадь, которая только что шла, на его глазах разрезать, свежевать. И он не может понять, как это может быть. А это значит, что уже нет мяса и мало хлеба – и вот эта павшая лошадь, “объедаемая” людьми»<sup>6</sup>.

Нынешний директор музея Анна Соколова также отметила преобладание виктимизированной составляющей в блокадно-мемориальной политике возглавляемой ею институции. Правда, она подчеркнула, что сохраняемая Музеем скорбно-трагическая память о Блокаде органически включает в себя героико-трагический компонент, связанный с человеческим сопротивлением бесчеловечной блокадной реальности:

«В первую очередь мы говорим о ценности человеческой жизни, о трагедии и о необходимости памяти о ней. Для себя внутренне мы, сотрудники, продолжаем тот самый список, в котором, говоря словами Анны Ахматовой, “хотелось бы всех поименно назвать”. Как бы пафосно это ни звучало, но это так. Поминовение – это трагедия, это не героизм. Мы говорим об этом. И мы хотим, чтобы люди, которые сюда пришли, поняли, что это трагедия для самого разного уровня людей, которые оказались в блокадном городе. Наша задача – формирование человеческого отношения к нечеловечески страшной трагедии.

Но наши выставки не просто воскрешали память о трагедии, они также показывали, что единственным способом сопротивления человека бесчеловечной реальности и сохранения себя человеком в этих условиях оказывались честность перед собой и верность своему предназначению, стремление сохранить в себе способность что-то делать, творить. Не смириться, не умереть, а оставаться человеком – это тоже подвиг! Если Бог тебе дал какой-то талант, то надо фиксировать происходящее и презентовать то, что рядом, для тех, кто рядом. И даже просто в письмах с фронта честно рассказывать о том, что тебя окружает, стремиться морально поддержать своих родных – это тоже поступок, требующий силы духа. И в наших экспозициях мы показывали таких людей»<sup>7</sup>.

Об этом же говорит и Галина Артеменко, подчеркивая, что Музею приходилось преодолевать стереотипы *сакрифицирован-*

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Беседа с Анной Соколовой, февраль 2022 года. ПМА.

ной (героико-триумфальной) памяти о Блокаде, сложившиеся в советский период:

«Во всех наших блокадных проектах присутствует единая сверхзадача. Всегда хочется донести небывалую историю небывалого кошмара и при этом рассказать о том, как в условиях этой колосальной трагедии люди оставались людьми. [...] И потому таким важным и прорывным для всех нас открытием было то, что сделали в свое время Даниил Гранин с Алексем Адамовичем<sup>8</sup>, а затем и все другие исследователи. И сейчас это – трагическое и героическое – должно соединиться в головах, а это очень сложно. И наш Музей, как мне кажется, во всех своих блокадно-мемориальных проектах пытался и продолжает пытаться решить именно эту задачу»<sup>9</sup>.

Анализ упомянутых блокадно-мемориальных проектов, реализованных Музеем на протяжении 2010–2021 годов, в целом подтверждает цитированные выше оценки и характеристики.

Вот что Жанна Телевицкая рассказала о выставке «Это письмо со слезами пишу» (май 2010 года, совместный замысел филолога, исследователя фольклора Олега Николаева и фотографа Игоря Лебедева), основанной на не подвергшихся военному цензурированию письмах солдата Ефима Хозумова на мансиjsком языке:

«Поскольку письменность манси – это кириллица, он пишет письма русскими буквами, [...] но – незнакомыми словами. Письма не цензурировались именно по этой причине. Почему они проскочили – тоже загадка. И вот эти письма – ...ядро экспозиции. [...] За письмами потянулись дневники. [...] Кто, собственно, вел дневники? Конечно же, интеллигенция. И мы пришли к нашим ближайшим героям – Ахматовой, Гаршину, Бергольц. Также мы выходим на бюрократическо-бумажный слой, который играет исключительно важную роль, потому что, несмотря на осаду, несмотря на войну, [...] все равно без бумажки человек – не человек. Это справки, свидетельства, разрешения, не говоря о карточках, о талонах, об аттестатах, пайках и прочем. [...] Этот бюрократический бумажный вал был представлен такой стеной. Поверх этого бумажного вала – наши подлинные документы, подлинные письма»<sup>10</sup>.

В своих письмах рядовой участник обороны Ленинграда представлял как человек, сознающий весь ужас окружавшей его реальности (военной и особенно бюрократической, к которой он испытывал почти нескрываемую ненависть), и в то же вре-

даниил коцюбинский  
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ  
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ  
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

**8** Адамович А.М., Гранин Д.А. *Блокадная книга*. М.: Советский писатель, 1979; М.: Советский писатель, 1983; СПб.: Азбука, 2016.

**9** Беседа с Галиной Артеменко, февраль 2022 года. ПМА.

**10** Цит. по: Вольтская Т. *Письмо со слезами* // Радио Свобода. 2010. 14 мая ([www.svoboda.org/a/2042052.html](http://www.svoboda.org/a/2042052.html)). («Радио Свобода» внесено Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента. – Примеч. ред.)



мя стремящийся думать и заботиться прежде всего не о себе, но о своих родных и близких, которым никак не удавалось получить положенные им – в связи с уходом единственного кормильца на фронт – налоговые льготы и которые находились по этой причине на грани голодной смерти:

«Вас постоянно налогами облагают, говоришь, чуть не судят. Пусть себя судят, а я посмотрю. Мама, ты не беспокойся, тебя не посадят, пока твой сын живой. Мама, я это дело как-нибудь уложу. Мама, я когда-нибудь домой приеду, жив-здоров, посмотрю, как они у меня налоги будут брать» (письмо от 23 октября 1943 года).

«Мама, я хорошо живу. Мне дают хлеба 900 грамм, три раза в день кормят. В месяц 30 рублей дают. Вам почему рыбакам не дают хлеб? Мама, я сильно ни в чем не нуждаюсь. Вас если в другой колхоз не отпустят, как-то выживайте» (письмо от 24 марта 1943 года).

«Мама ты сильно не плачь, зачем плачешь? Если я умру, письма не будут приходить домой, но я еще жив. Я как-то отправил 400 рублей, Приходили или нет деньги?» (письмо от 10 мая 1943 года).

«Мне выдали деньги, 70 рублей – я расписался, и 56 рублей – тоже расписался. Я бы отправил домой, но не дойдут до вас. С Омска отправлял 400 рублей. Получали или нет? В Омске я продал пальто за 400 рублей. Деньги отправлял домой, наверное, они не пришли» (письмо от 5 июля 1943 года).

«Я получил ваше письмо, из которого я узнал, что вы сильно бедствуете. Чем могу я вам помочь? Я постараюсь у командира взять справку и отправить вам. Что я еще могу сделать? Может, что-нибудь из вещей продадите? Мне бы вернуться домой живым. Я бы посмотрел на них...» (письмо от 1 августа 1943 года) (*курсив мой. – Д.К.*).

«Мама, я вам отправил 200 рублей и отправил вам справку. Эту справку никому не давай. Держи у себя на руках. Тем, кто собирает налоги, им не давай...» (письмо от 19 января 1944 года).

«Я писал два письма, мама, пиши. Мама, я жив, здоров. Мама, я тебе отправил справку. Мама, я тебе три раза переводил деньги» (письмо от 12 февраля 1944 года, за 10 дней до гибели)<sup>11</sup>.

Жалоб на собственные блокадно-фронтовые трудности в письмах практически нет – о них приходится догадываться по косвенным рассказам. Например, о том, как один из довоенных знакомых и сослуживцев Хозумова не выдержал тягот службы, совершил самострел и был расстрелян:

«Добрый день! Хозумова Марья Петровна, здравствуй! Как вы живете? Пишите мне письма. Я жив, здоров. Вы, наверное, знаете: к нам в деревню приезжал собирать налоги один русский. С этим русским вместе служили. Мы с ним стояли на посту, он себе прострелил руку, он думал, что из-за этого домой отпустят. Руку свою специально подставил к стволу и выстрелил себе, и на руке оторвало четыре пальца. Его командир расстрелял из-за того, что себе руку прострелил.

**11** Материалы из фонда Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

Мы с ним вместе были. На этом заканчиваю писать. Хозумова Мария, до свидания, Хозумова Елена, до свидания, Хозумова Анна, до свидания, Хозумова Настасья, до свидания, Хозумов Ефим Д. 16 ноября, 1943 г.»<sup>12</sup>.

ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ  
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ  
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ  
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

Письма Хозумова (наряду с отрывками дневниковых записей и писем Владимира Гаршина, Ольги Берггольц, Кирилла Таганцева, Наталии Варбанец и других блокадников, а также тех, кто оказался в эвакуации) были экспозиционно противопоставлены военной и гражданской бюрократии: официальным сообщениям, приказам и сводкам. Сложная и объемная идейно-мемориальная структура выставки, канва которой вобрала в себя, помимо скорбно-трагического, также героико-трагический и жизнеутверждающий компоненты, противопоставив их державно-героическому *сакрифицированному* официозу, оказалась по-разному оценена и характеризована различными авторами, на первый взгляд придерживающимися сходных либерально-гуманистических идейно-мемориальных установок.

Петербургская поэтесса и публицист Татьяна Вольтская увидела в центре выставочного нарратива конкретного человека, через индивидуальное восприятие которого раскрывается общая катастрофа войны и Блокады. Развивая мысль об уникальности оптики Ефима Хозумова, Вольтская приводит слова инициатора выставки Игоря Лебедева:

«Мы прежде всего, конечно, были восхищены этим материалом эпистолярного жанра, потому что в его письмах были абсолютно антисоветские вещи, которые были не связаны, наверное, с коммунизмом или с чем-то еще, а просто с бытовым таким уровнем. Он постоянно пишет о том, что его матери не дают его зарплату – деньги, которые он ей пересыпает, не выдают. По причине того, что они не верят, что он в армии служит, или что-то еще. Что это неправильно, что он обязательно должен приехать, вернуться с фронта, разобраться с этими людьми, вплоть до вооруженного насилия (“ты спрячь ружье, я приеду, я с ними со всеми разберусь”). С другой стороны, это видение войны человеком, у которого совершенно другой язык и совершенно другое восприятие мира. Он попадет впервые в те области страны, где есть высокие дома, он этому поражается. И поражается тому, что его непускают, им не разрешают жить в этих домах, заставляют копать землянки и жить в землянках в лесу или в каких-то бараках. Война для него – это не бои и не тягости, а откровения, что пули свистят, как ветер – сравнение очень литературное, поэтическое. И это поражает, потому что у него совершенно другое сознание, и ты начинаешь задумываться: как вообще он существует в этом мире? А как же нацизмшинства, которые тоже призывались, как они воевали? Мы же о них

<sup>12</sup> Цит. по: ФАТИНА Т. «Все время думаю о вас...» // Магнитогорский металл. Городская газета. 2013. 19 ноября (<https://magmetall.ru/news/pamyat/vse-vremya-dumau-o-vas/>).



практически не слышали, мы о них не думаем, как будто их не существует. [...] Известно, что якуты – хорошие стрелки. И тут опять перекличка с Хозумовым, потому что за то, что он хорошо стреляет (он изучает снайперскую винтовку, потом противотанковое ружье), ценят его навыки, он участвует в этом. Он находится здесь с 1942 года и до 1944-го. И вот в момент полного освобождения от блокады Ленинграда он гибнет в этой мясорубке. И после него ничего не остается. Нет фотографий. Вот этот эпистолярный жанр поддерживает, как бы делает его своеобразным писателем»<sup>13</sup>.

На выставке были также представлены материалы из школьных музеев города, которые выступали как источники виктилизированной гуманистической памяти о детях Блокады. Эти материалы, как отметил журнал «TimeOut», также позволяют соединить героику и трагизм в единое и нерасторжимое человеческое целое<sup>14</sup>. Кроме того, тематика выставки «Это письмо со слезами пишу» была поддержана галереей «Сарай»<sup>15</sup> (небольшом экспозиционном пространством Музея, где параллельно шла выставка о блокадных детях), а ее идейно-мемориальный посыл подхватила заведующая отделом истории магнитогорского краеведческого музея Татьяна Фатина<sup>16</sup>.

В то же время исследователь Татьяна Воронина в статье «Как читать письма с фронта? Личная корреспонденция и память о Второй мировой войне» предложила несколько иную интерпретацию этого проекта:

«[Экспонируемые материалы] отражают стремление кураторов выставки показать зрителю несколько иную войну, нежели это было принято долгое время. Войну, в которой основное внимание уделено не героическому пафосу победителей, а таким подробностям жизни людей, которые характеризовали бы это время без оглядки на цензуру. И, хотя образ, создаваемый выставкой, не акцентирует внимание на ужасах войны и блокады, рассказ о повседневности людей, живших в то время, в целом лишен привычного героического лоска. Достигается этот эффект во многом за счет демонстрации текстов писем с фронта. [...]»

Место проведения выставки и заявленная в аннотации концепция «войны без ретуши» наводили на мысль о представлении альтернативной точки зрения на войну, отличающейся от официальной, особенностью которой как раз и было «ретуширование» образа войны за счет исключения из него неприглядных сторон. Отчасти эти надежды были оправданными»<sup>17</sup>.

13 Вольтская Т. *Письмо со слезами*.

14 «Это письмо я со слезами пишу». *Письма с фронта, пересказанные языком современного искусства* // TimeOut. 2010. 6 мая ([www.timeout.ru/spb/feature/10679](http://www.timeout.ru/spb/feature/10679)).

15 Вольтская Т. *Письмо со слезами*.

16 Фатина Т. Указ. соч.

17 Воронина Т. *Как читать письма с фронта? Личная корреспонденция и память о Второй мировой войне* // Неприкосновенный запас. 2011. № 3(77). С. 159–175 (<https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/kak-chitat-pisma-s-fronta.html>).

«Отчасти» – поскольку диссонансом общему посылу выставки явилась школьная конференция, проходившая в стенах Музея во время посещения его Ворониной и оцененная ею как «ура-патриотическая»<sup>18</sup>. Виной тому, по мнению автора статьи, стало отсутствие в содержании выставки «рефлексии по поводу “рукотворности” самого воспоминания, самоцензуры и зависимости восприятия прошлого от тех или иных оценок события»<sup>19</sup>. Именно эта недоработка организаторов экспозиции позволила «объединить под одной крышей “наивный” и одновременно критический взгляд на войну Ефима Хозумова, [...] и пафосный перформанс, выполненный современными школьниками под руководством представителей обществ блокадников»<sup>20</sup>. По убеждению Ворониной, «письма не могут говорить сами за себя, они требуют комментариев, контекста, и часто именно контекст определяет смысл предъявляемого документа»<sup>21</sup>.

Эти критические замечания прокомментировала куратор выставки Жанна Телевицкая:

«Что касается перформанса, который автор увидела на выставке и который использовала как аргумент – по сути единственный – в пользу своей гипотезы о том, что на нашей выставке были допущены, как ей показалось, некие экспозиционно-мемориальные несоответствия, якобы превратившие ее в показ войны не как трагедии людей, но как “предмет их гордости и величия”, то я категорически не согласна с этой оценкой, и с подведенным под нее доказательством.

Начну с того, что мы не можем – и не должны! – каким-то образом цензурировать действия тех, кто приходит на нашу выставку, если эти действия не нарушают общих правил посещения музея. Тем более было бы странным препятствовать проведению школьного мероприятия, если вспомнить, что в подготовке нашей выставки участвовали масса школьных музеев, что они помогали нам всеми силами, на которые были способны – и учителя, и заведующие школьными музеями, и ученики! И мы, разумеется, совершенно не вмешивались в сценарий данного события. Возможно, это выглядело идейным диссонансом на фоне выставки, но куда большим диссонансом стала бы попытка цензурировать этот сценарий с нашей стороны. Думаю, это действие было подготовлено в отрыве от выставки как таковой: скорее всего учителя все отработали еще в школе, а в музей пришли просто провести мероприятие в более торжественной, с их точки зрения, обстановке. Одним словом, это совсем не означает, что наша экспозиция их “подтолкнула” именно к такому видению войны и блокады.

**18** Там же.

**19** Там же.

**20** Там же.

**21** Там же.

ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ  
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ  
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ  
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...



ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ  
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ  
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ  
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

Наконец, относительно недостаточной идеиной назидательности. Когда мы готовим тематические выставки, мы всегда исходим из того, что они должны говорить символическим языком, а не повторять жанр школьных прописей или морального катехизиса. Мы избегаем дидактических пояснений абсолютно сознательно. Мы не стремимся, как говорил Гумилев, “пasti народы” (“Аня, отрави меня собственной рукой, если я начну пасти народы”, – обращался он к Ахматовой). Мы стараемся говорить образным языком. Вообще выставка не книга, где все может быть написано четко и конкретно. Возможно, иногда каких-то чисто информационных пояснений на наших экспозициях не хватает. Но превращаться в “избу-читальню” мы категорически не хотим. Экспозиционная символика практически никогда не бывает буквальна. Там просто должны быть острые, красивые, очевидные вещи, которые призывают воздействовать на посетителя. И, как мне кажется, в той выставке, о которой идет речь, нам это, в общем, удалось. Косвенным образом в пользу этого говорит как раз тот факт, что уважаемая Татьяна Воронина почувствовала контраст между нашей экспозицией и проведенным рядом с ней “официозным” школьным мероприятием. Раз ее так резанула эта диссонансная штука, значит, выставка была на самом деле хороша<sup>22</sup>.

Учитывая эти разъяснения, а также комментарии Татьяны Вольтской и других рецензентов, следует согласиться с тем, что данная экспозиция в полной мере соответствовала исходному скорбно-трагическому мемориальному замыслу, включавшему героико-трагическую компоненту.

Выставка «Блокада. До и после» (январь–февраль 2014 года) продолжила развитие описанного выше подхода к раскрытию блокадно-мемориальной тематики. Основу выставки, которую, как отмечалось в буклете, можно было бы назвать «художник в городе», составили работы Василия Калужнина (1890–1967) и Константина Кордобовского (1902–1988) – живописцев, которые «работали в блокадном Ленинграде, не оставляя главного дела своей жизни»<sup>23</sup>. На выставке также были представлены работы петербургского художника Григория Кацнельсона (р. 1974), создавшего книгу «Геннадий Гор. Стихи 1942–1943», посвященную «тайному» блокадному сборнику стихов писателя Геннадия Гора (1907–1981), а также написавшего специально для проекта «Блокада. До и после» портреты Гора, Калужнина, Кордобовского, Филонова, Вагинова, Хармса, Друскина и других персонажей «круга Гора»<sup>24</sup>.

Как пояснила Жанна Телевицкая, замысел экспозиции был предложен литератором и историком культуры Александром Ласкиным (он же стал и куратором выставки):

**22** Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

**23** Буклет выставки «Блокада. До и после». Материалы из фонда Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

**24** Там же.

«[Идея заключалась в том, чтобы] к 70-летию со дня снятия блокады Ленинграда представить на выставке творчество двух “мargинальных” художников, работавших в блокадном городе: Василия Калужнина и Константина Кордбовского. Творчество обоих и до и после блокады было далеко от официального искусства. По словам Ласкина, оба предпочли путь самоотречения и аскезы»<sup>25</sup>.

ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ  
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ  
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ  
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

Ключевым оказывалось стремление не просто ознакомить общественность с произведениями двух малоизвестных до недавнего времени художников, запечатлевших город в период Блокады, но продемонстрировать их блокадное творчество как образец поступка, типологически стоявшего в общем ряду примеров блокадного героизма.

Как пояснял Ласкин, в судьбах этих двух художников было много схожего: «Оба оставались в блокадном городе, оба не прекращали работать как художники, несмотря на внешние обстоятельства. “Я рисую, значит, я существую” – скорее всего они считали так»<sup>26</sup>. При этом тема героического преодоления человеком – посредством опоры на созидательно-волевые и духовно-культурные основы его личности – античеловеческого блокадного вызова органически вплеталась в общий скорбно-трагический мемориальный контекст: «Тема скорбной составляющей памяти о блокаде возникала сама собой, из визуального и вербального наполнения выставки: живописи, графики, стихов, артефактов»<sup>27</sup>.

В рецензии на выставку Татьяна Вольтская вновь отметила героико-трагический акцент исходного замысла (суть которого, говоря процитированными выше словами Галины Артеменко, – показать, «как в условиях этой колоссальной трагедии люди оставались людьми»), подчеркнув, что, хотя оставшиеся в блокадном городе художники балансировали на грани гибели и переживали все трудности блокадного быта, они тем не менее продолжали работать и создавать значимые произведения<sup>28</sup>. Завершая свой обзор, Вольтская сделала вывод, по сути опровергающий дихотомически-плоскостное деление памяти о таких событиях, как Блокада или война, на скорбно-трагическую и героико-триумфальную:

«Выставка наводит на странные раздумья: эти художники [в период тотального диктата канонов соцреализма. – Д. К.] прятали свое

**25** Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

**26** Цит. по: Блокада. До и после. Выставка в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме (<http://museum.ru/N52356>).

**27** Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

**28** Вольтская Т. Лед, краски, тени // Радио Свобода. 2014. 19 февраля ([www.svoboda.org/a/25268063.html](http://www.svoboda.org/a/25268063.html)). («Радио Свобода» внесено Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента. – Примеч. ред.)



истинное лицо даже от учеников, изумившихся после смерти своих учителей, что, оказывается, они были настоящими мастерами. Но в дни войны, блокады все маски упали: смерть, стоявшая у дверей, держала за руку свободу»<sup>29</sup>.

Похожим образом оценил феномен блокадных стихов поэт и критик Олег Юрьев, процитированный в одной из рецензий на выставку:

«В блокадном Ленинграде, в ситуации абсолютного экзистенциального ужаса он [Геннадий Гор. – Д.К.] безо всяких оговорок и ограничений вдруг заговорил на каком-то другом языке – на языке, применительно к которому несколько стыдный вопрос об отношениях формы и содержания просто-напросто не встает»<sup>30</sup>.

Фронтальное столкновение скорбно-трагического, *виктилизированного* (включая героико-трагическую компоненту), с одной стороны, и героико-триумфального, *сакрифицированного* восприятия событий Блокады (и последующей памяти о них), – с другой, было представлено в музейном пространстве организованного к 70-летию Победы выставочного проекта «Такая разная война» (май 2015 года).

Создатели экспозиции поставили целью показать войну и Блокаду с точки зрения разных социальных групп. Свой творческий замысел кураторы Музея подкрепили ахматовской «военно-блокадной» цитатой: «“И в пестрой суете людской все изменилось вдруг”, – так начала Анна Ахматова свое стихотворение “Первый дальнобойный в Ленинграде”». И далее пояснили, что условно разделили пространство экспозиции на три социально-смысловых плана – авторско-интеллигентский, общенародный и номенклатурный:

«Восприятие военной действительности ленинградской интеллигенцией представлено рукописными артефактами – отрывками из дневников, письмами, стихами (Анна Ахматова, Ольга Берггольц, Татьяна Гнедич, Лев Гумилев, Николай Пунин и еще несколько имен “ахматовского круга”). А те самые 800 тысяч, которые “в наших сложных условиях мы можем кормить и которые достаточны для разрешения основных вопросов” (А. Жданов, 1941 г., Ленинград), можно увидеть на фотографиях, послушать их воспоминания, посмотреть семейные реликвии. Третий смысловой круг – официальные документы: приказы, агитационные листовки, плакаты, воспоминания военачальников и чиновников высокого ранга (Георгия Жукова, Андрея Жданова, Иосифа Сталина)»<sup>31</sup>.

<sup>29</sup> Там же.

<sup>30</sup> В Петербурге создали авторскую книгу тайных блокадных стихов // Regnum. 2014. 31 января (<https://regnum.ru/news/society/1761099.html>).

<sup>31</sup> Такая разная война (<http://museum.ru/N57658>).

По признанию организаторов выставки, их попытка создать экспозицию, которая «не предполагает однозначности, не призывает к обязательным выводам и не навязывает определенного мнения»<sup>32</sup> с точки зрения экспозиционного успеха удачной не оказалась<sup>33</sup>. В то же время, как пояснила Жанна Телевицкая, именно в данной экспозиции «тема героической и скорбной памяти получила развитие – как противопоставление официальной и приватной точек зрения»:

«Похоронные извещения, заполняющие стену, и гладкие клишированные фразы в воспоминаниях Жукова, расчеты и рассуждения Жданова на той же стене. И здесь же – воспоминания очевидцев, записанные в музее в рамках проекта “Я голос ваш”. В витринах лежали вещи из домашних собраний и из фондов музея, пережившие войну: маленькая рукописная книжечка со стихами Ахматовой, стеклянный флакон, молочник, фарфоровая чашка – чудом уцелевшие, оказавшиеся прочнее, чем хрупкое человеческое существование. В больших одинаковых рамках были воспроизведены увеличенные изображения подлинных документов из музеиного собрания: писем, дневников, посвящений, автографов стихов»<sup>34</sup>.

Таким образом, несмотря на исходное намерение кураторов (и позднее критически ими же оцененное) создать сбалансированную палитру различных блокадных «голосов», гуманистическая, виктимизированная, версия военно-блокадной памяти все равно выходила на первый план, а героико-триумфальный сакрифицированный ее «антитипод», *de facto* оказался фоном, оттеняющим ее моральную истинность и мемориальную значимость.

Последняя из рассматриваемых выставок «Блокада. Новое зрение» (сентябрь–октябрь 2021 года), приуроченная к 80-летию начала Блокады Ленинграда и основанная на блокадных работах художника Ярослава Николаева (1899–1978) и художника, архитектора и фотографа Бориса Смирнова (1903–1986), была выдержана в уже утвердившемся на протяжении предыдущих лет блокадно-экспозиционном каноне Музея – виктимизированном и включающем в себя обязательный компонент трагической героики.

Анонс выставки начинался с выдержанной в скорбно-трагической стилистике цитаты из книги поэта и исследователя Блокады Полины Барковой о том, как осенью 1941 года осажденный Ленинград «ослеп от затемнения... и утраты электри-

ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ  
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ  
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ  
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

**32** Там же.

**33** Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

**34** Там же.



чества, от боли и ужаса»<sup>35</sup>. Но далее сразу же открывалось пространство трагической героики:

«Следом за слепотой открылось иное, новое зрение – более чистое, свободное, более памятливое. Возможно, именно обретение нового зрения помогало выжить многим ленинградским художникам. «Умирая от дистрофии, я упорно боролся со смертью во имя желания продолжить наблюдения и зарисовки», – писал график и художник кино Александр Блэк»<sup>36</sup>.

На выставке были представлены отрывки из текстов, написанных художниками – представителями блокадной интеллигенции, – среди которых Николай Быльев-Протопопов, Анна Остроумова-Лебедева, Владимир Серов, Иосиф Серебряный, Ярослав Николаев, Алексей Пахомов, Александр Блэк. Сквозная тема подобранных цитат – новая творческая оптика, рожденная в экстремальных условиях и потому позволившая выразить предельный экзистенциальный опыт:

«И сами авторы, и зрители блокадных выставок замечали, что работ такой творческой силы не было ни до ни после. Герои нашей выставки – обладатели такого нового зрения»<sup>37</sup>.

На примере их произведений организаторы выставки постарались проиллюстрировать атмосферу творческого подъема «вопреки смерти», охватившего многих ленинградских художников в период Блокады. Исходной точкой экспозиции стало творчество Ярослава Николаева:

«Этот проект начался со знакомства с произведениями художника Ярослава Николаева, хранящимися в семье наследников. Живопись и графика, созданные во время блокады Ленинграда, отличались от довоенного и послевоенного творчества и показались нам самыми интересными, как будто освободившимися от соцреалистического канона. Небольшого формата, на бумаге и маленьких кусках холста, масло, карандаш, акварель, повторяющиеся сюжеты, город блокадной зимой, фигуры на фоне городского пейзажа, почти не прописанные, но выразительные в своей незаконченности и условности. Мы не знаем, какой механизм запускает процесс свободного творчества – нахождение на грани жизни и смерти, любовь к актрисе Марии Петровой (их роман начался в Ленинграде в 1942 году), сознание того, что идеологические запреты и ограничения не самое страшное по сравнению с происходящим здесь и сейчас. Можно только предполагать и догадываться. [...]»

<sup>35</sup> Барскова П. *Седьмая щелочь. Тексты и судьбы блокадных поэтов*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2020 ([https://books.google.ru/books?id=\\_boqEAAAQBAJ&pg=PT90&lpg=PT90&dq=ослеп+от+затемнения...+и+утраты+электричества,+от+боли+и+ужаса+Барскова](https://books.google.ru/books?id=_boqEAAAQBAJ&pg=PT90&lpg=PT90&dq=ослеп+от+затемнения...+и+утраты+электричества,+от+боли+и+ужаса+Барскова)).

<sup>36</sup> Цит. по анонсу выставки: <https://akhmatova.spb.ru/events/exhibition/blokada-novoe-zrenie/>.

<sup>37</sup> Там же.

Выставка, посвященная 80-летию начала блокады, по нашему мнению, не могла быть составлена из работ одного художника. Думая о том, как сделать это высказывание более объемным, вспомнили о странной и непохожей на другие блокадные фото серии фотографий художника, архитектора и дизайнера Бориса Смирнова, сделанной в Ленинграде зимой 1942 года»<sup>38</sup>.

Борис Смирнов в Блокаду служил на Балтийском флоте капитан-инженером и руководил маскировочной лабораторией. Это давало ему право передвигаться по городу в комендантский час, а также вести фотосъемку на улицах (то и другое в блокадном Ленинграде было строжайше запрещено):

«Он ходил по пустым улицам и снимал то, что сегодня бы назвали “концептуальной фотографией”. На выставке представлен фотографический ряд: белые пустыни заснеженных рек с силуэтами вмерзших в лед кораблей, скелетоподобные остаты металлических кроватей из разбомбленных или сгоревших домов – трагическая красота неодушевленных предметов, свидетелей царящей вокруг смерти»<sup>39</sup>.

Помимо художественных работ, на выставке было представлено множество иных экспонатов, в том числе документов и дневниковых записей, поиском которых занималась Галина Артеменко. Жанна Телевицкая подчеркивает тот факт, что сверхзадача экспозиции заключалась не в показе «ужасов блокады», а в демонстрации того, как люди стремились преодолеть экстремальный ужас, находя для этого силы в творчестве и любви, в том числе в любви к родному городу и человеческой культуре в целом<sup>40</sup>.

Представление о рецепции выставки можно составить по отзыву пользователя *Gorgik1* на интернет-ресурсе «Отзовик». Размещенные на одной из стен плакаты блокадного времени он оценил не как образ, символизирующий, по словам Телевицкой, «противопоставление пропаганды и свободного творчества, государственной машины и человека», но как своего рода удачное дополнение основной, скорбно-трагической (по замыслу) экспозиции: «Прекрасно дополняют общую направленность выставки многочисленные плакаты блокадного Ленинграда»<sup>41</sup>. Как представляется, в данном случае важно то, что, несмотря на некоторую разницу в нюансах прочтения экспозиционной сверхзадачи, рецензент уловил суть мемориально-экспозиционного замысла, нацеленного на то, чтобы

ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ  
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ  
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ  
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

**38** Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

**39** Цит. по: <https://akhmatova.spb.ru/events/exhibition/blokada-novoe-zrenie/>.

**40** Беседа с Жанной Телевицкой, февраль 2022 года. ПМА.

**41** См.: [https://otzovik.com/review\\_12398196.html](https://otzovik.com/review_12398196.html).



показать героизм как своего рода неотъемлемое *дополнение* к трагедии, а не как концептуальную основу памяти о Блокаде. Впрочем, итоговое заключение этого рецензента было выдержано в традиционной советско-мемориальной, *сакрифицированной*, а точнее, героико-триумфальной с элементами скорби, блокадной стилистике: «Светлая память нашим героям и всем жителям города, выжившим в страшном испытании, и тем, кому не суждено было дожить до светлого праздника снятия блокады»<sup>42</sup>.

Если выставочно-экспозиционная деятельность Музея, связанная с памятью о войне и Блокаде, затрагивала прежде всего тему преодоления трагедии и была в целом выдержана в героико-трагическом (хотя в целом – виктимизированном) ключе, то акция «Блокадный квартал» являлась прежде всего *скорбно-поминальным* событием. Эпиграфом ежегодного мероприятия стали ахматовские строки «Хотелось бы всех поименно назвать, / Да отняли список, и негде узнать».

Начиная с 2015 года «Блокадный квартал», являясь частью общегородской акции чтения имен людей, погибших в Блокаду, проходит ежегодно, тем самым как бы подчеркивая общий *виктимизированный* фундамент всей экспозиционно-просветительской деятельности Музея по увековечиванию памяти о войне и Блокаде. Как в 2018 году отметила Нина Попова, «в этом замысле есть потребность преодолеть некую разнuzzданность, связанную с воспоминанием о войне, потому что это воспоминание должно быть переведено на уровень сострадания, сочувствия, сопереживания: это прошлое, которое входит в тебя, как часть твоей жизни»<sup>43</sup>.

Однако даже в контексте скорбно-поминального мероприятия сотрудники Музея органично вплетают героико-трагическую сопоставляющую, напоминающую о духовном сопротивлении «ледяному аду», которым стала Блокада для жителей города:

«“Блокадный квартал” – инициатива “Комитета 8 сентября”, созданного несколько лет назад для того, чтобы блокадная память стала ближе, хотя с каждым годом эти события все дальше от нас, а их участников среди нас все меньше. [...]»

Николай Пунин был эвакуирован в Самарканд в начале 1942 года, первую блокадную зиму он провел в городе, вел, как и многие, дневник, писал о том, что город стал ледяным адом. Ахматова уехала из окруженног города в конце сентября – “в брюхе летучей рыбы” – самолетом, увозя с собой рукописи и стихи, которые нельзя было записать, можно было только держать в памяти. В годы эвакуации она жадно ловила все новости, доходившие из Ленинграда.

**42** Там же.

**43** Цит. по: *В Петербурге 8 сентября пройдет общегородская акция «Блокада: вспомнить всех поименно»* (<https://news.rambler.ru/other/39920984>).

А вы, мои друзья последнего призыва!  
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.  
Над вашей памятью не стыть плаучей ивой,  
А крикнуть на весь мир все ваши имена!  
Да что там имена! – захлопываю святцы;  
И на колени все! – багровый хлынул свет,  
Рядами стройными проходят ленинградцы,  
Живые с мертвыми. Для Бога мертвых нет.

ДАНИИЛ КОЦЮБИНСКИЙ  
СКОРБНЫЙ И ГЕРОИЧЕСКИЙ  
КОМПОНЕНТЫ ПАМЯТИ  
О ВОЙНЕ И БЛОКАДЕ...

Конечно, никакого Бога советская цензура допустить не могла: если это стихотворение печатали, то в редакции “для славы мертвых нет”. Но не только о славе, а прежде всего о памяти и преодолении страха, о человечности в нечеловеческих условиях – вот о чем этот день 8 сентября»<sup>44</sup>.

Анна Соколова подчеркивает, что акция «Блокадный квартал» помогла Музею стать культурным центром притяжения не только для жителей района, но и для всех петербуржцев и гостей города, «потому что наши блокадные мероприятия и то, что мы собираем книгу памяти, это ведь о тех, кто погиб во время блокады в нашем квартале»<sup>45</sup>. По мнению Галины Артеменко, одного из организаторов акции, инициатива в целом удалась. Важнейшим фактором явилось то, что это мероприятие сохранило «живой» формат и не было заформализовано<sup>46</sup>.

Подводя общий итог, можно высказать предположение, что в основе выставочной и просветительской деятельности Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме в 2010–2021 годах лежал *виктимизированный*, скорбно-трагический мемориальный подход к военно-блокадной тематике. В то же время непременной составляющей этого подхода оказывалась героико-трагическая оптика, предполагавшая репрезентацию примеров духовного сопротивления человека трагическим вызовам войны и Блокады посредством индивидуального подвигничества, выражавшегося как в повседневной работе простого сопререживания другому, так и в различных формах творческой активности «вопреки смерти и разрушению». Специфика трагической героики как составной части общего *виктимизированного* подхода к памяти о таких феноменах, как война или Блокада, заключается в том, чтобы сделать акцент на личности, вступающей в заведомо неравную схватку с неодолимыми вызовами и, несмотря ни на что, стремящейся до последнего сохранять в себе человеческое и деляться своей человечностью с другими людьми.

В отличие от *виктимизированного, сакрифицированного* формат героической памяти предполагает иную оптику, сфокусированную на личности.

<sup>44</sup> Блокадный квартал (<http://museum.ru/N70695>). Курсив мой. – Д. К.

<sup>45</sup> Беседа с Анной Соколовой, февраль 2022 года. ПМА.

<sup>46</sup> Беседа с Галиной Артеменко, февраль 2022 года. ПМА.



сированную прежде всего на демонстрации той общественно значимой пользы, которую *герой*, рискуя или жертвуя собой, приносит *группе*, совершая при этом *свободный и осознанный выбор*. В то же время в центре *виктимизированной* героики – человек, явившийся жертвой неодолимых обстоятельств, заставивших его решать вопрос о сохранении себя как личности вопреки обезличивающему его экстремальному контексту.

Таким образом, следует заключить, что, последовательно развивая вышеописанный подход к военно-блокадной тематике, выставочная и просветительская деятельность Музея подтвердила справедливость того концептуального итога, к которому, в конце концов, пришла дискуссия о проведении военного парада на Дворцовой площади 27 января 2019 года. Итог, напомню, заключался в признании необходимости «инклюзивной блокадной памяти, в рамках которой между различными ее версиями – сакрифицированной, с одной стороны, и виктимизированной, с другой, – сохраняются каналы коммеморативного взаимодействия и дискурсивного взаимоприятия»<sup>47</sup>. Многолетний опыт работы Музея, как представляется, стал успешным примером создания одного из вариантов такой *инклюзивной блокадной памяти, виктимизированной* в своей основе и в то же время включающей в свою структуру обязательные элементы *трагической героики*.

Данный подход, как вытекает из всего сказанного выше, позволяет преодолеть предложенное Алейдой Ассман жесткое дихотомическое деление исторической памяти на *сакрифицированную* и *виктимизированную* (которое не учитывает наличие в структуре первой элементов трагизма и скорби, а в недрах второй – соответственно, элементов героики), дополняя это дискретно-плоскостное деление новыми, гуманистически нюансированными и, думается, более перспективными в культурно-мемориальном отношении оттенками.

<sup>47</sup> Коцюбинский Д.А. *Как помнить о Блокаде?..*